

ДЕНИС ХРУСТАЛЁВ

АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ

И СЕВЕРНЫЕ КРЕСТОНОСЦЫ

БОРЬБА ЗА СФЕРЫ ВЛИЯНИЯ
В ВОСТОЧНОЙ ПРИБАЛТИКЕ XIII В.

Подлинная история России

Денис Хрусталев

**Александр Невский и
северные крестоносцы.
Борьба за сферы влияния в
Восточной Прибалтике XIII в.**

«Издательство АСТ»

2026

УДК 821.161.1-1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Хрусталеv Д. Г.

Александр Невский и северные крестоносцы. Борьба за сферы влияния в Восточной Прибалтике XIII в. / Д. Г. Хрусталеv — «Издательство АСТ», 2026 — (Подлинная история России)

ISBN 978-5-17-185850-6

Денис Хрусталёв — российский историк, исследователь русского и европейского Средневековья. Автор многих научных исследований, включая такие монографии, как «Разыскания о Ефреме Переяславском», «Монгольское нашествие на Русь», «Колдовство на Руси», «Тетради купца Афанасия», «Вызов императора Павла», а также комментированных переводов таких сочинений, как «Происхождение идеи крестового похода» Карла Эрдмана, «Ведьмы из Варбойс» и «Демонология короля Якова». Представлена история борьбы за сферы влияния в Восточной Прибалтике между русскими княжествами, которые формально владели регионом в XI–XII в., и немецкими миссионерами, крестоносцами, колонистами, оформившими там в XIII в. феодальную конфедерацию, распространившую власть на большинство земель Ливонии, Латгалии и Эстонии. Отдельно выделена история войн этих ливонцев и Швеции с Новгородом за контроль за Финляндией и Карелией, а также покорение областей ижоры и води. Специально обследованы важнейшие сражения тех лет — Невская битва 1240 г., Ледовое побоище 1242 г., Раковорская битва 1268 г. и др. Материал представлен предельно подробно на основе всех доступных источников как отечественных, так и зарубежных: от «натиска на Восток» до встречных завоеваний и деятельности великого князя Александра Невского. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 821.161.1-1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-185850-6

© Хрусталев Д. Г., 2026

© Издательство АСТ, 2026

Содержание

Введение	7
Глава 1. Восточная Прибалтика в XII – первой половине XIII в.	13
§ 1.1. Русские княжества и Прибалтика в раннем Средневековье	13
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Денис Хрусталёв

Александр Невский и северные крестоносцы. Борьба за сферы влияния в Восточной Прибалтике XIII в.

© Хрусталёв Денис Григорьевич, текст, 2026

© ООО Издательство «АСТ»

Представлена история борьбы за сферы влияния в Восточной Прибалтике между русскими княжествами, которые формально владели регионом в XI–XII в., и немецкими миссионерами, крестоносцами, колонистами, оформившими там в XIII в. феодальную конфедерацию, распространившую власть на большинство земель Ливонии, Латгалии и Эстонии. Отдельно выделена история войн этих ливонцев и Швеции с Новгородом за контроль над Финляндией и Карелией, а также покорение областей ижоры и води. Специально обследованы важнейшие сражения тех лет – Невская битва 1240 г., Ледовое побоище 1242 г., Раковорская битва 1268 г. и др. Материал представлен предельно подробно на основе всех доступных источников, как отечественных, так и зарубежных.

2025

Введение

Благородный крестоносец и святорусский богатырь – первые образы, которые возникают, когда речь заходит о войнах в Восточной Прибалтике XIII в. Выражения «утраченные возможности», «реализованные преимущества», «натиск», «миссия», «крещение», «борьба» чаще всего встречаются, когда исследователь обращается к истории покорения этих земель. Здесь особенно примечательно переплетаются легендарные основы культурных постулатов таких наций, как русские, немцы, датчане, шведы, латыши, литовцы, эстонцы, финны. Здесь они впервые вступили в противоборство и впервые почувствовали силу соперника. Блеск кровавого задора европейских христианизаторов столкнулся с дремучей индукцией русской экспансии, упорный латинский прагматизм противопоставил себя глубоководию православного Востока. Могучие эггегоры схлестнулись на ограниченном промежутке времени – фактически 1200–1270 гг. – и на небольшом участке суши – преимущественно территории современной Латвии, Эстонии, Литвы, Ленинградской области и Южной Финляндии.

Нередко историки видят в событиях тех лет основы нынешних политических, культурных и социальных противоречий. Обнаруживают там корни взаимного уважения и непонимания народов, взаимного страха и интереса. На этой основе формируются идеологические концепции и политические течения, развивающиеся сейчас как в странах Балтии, так и в Европе, и в России. В XIII в. области и народы Восточной Прибалтики вошли в мировую историю. Борьба за те земли связала северные государства на долгие годы. Плоды случившегося мы пожинаем и сейчас.

* * *

Для германца освоение Ливонии – героическая страница его истории. Его предки бесстрашно несли слово Божье добрым, но непросвещенным северным язычникам. Сильные духом бюргеры оставляли свои уютные городки и, нашив на грубые одежды крест, отправлялись в далекие комариные земли, где вели борьбу и словом, и делом с бесноватыми нехристями, а также их восточными пособниками – демонами во плоти. Святость и коварство шествовали тогда рука об руку, и не всегда можно отличить одно от другого. Из ливонских лесов вышли немецкие национальные герои – рыцари Немецкого (Тевтонского) ордена, борцы за веру и основатели идеального средневекового государства (Пруссии). Бурные пятна на их плащах, которые отчетливо видят зарубежные исследователи, обычные читатели замечают не всегда.

Восточная колонизация была для Германии эпохой становления нации. Впоследствии именно в покоренных областях – Бранденбург, Пруссия – сформировался основной немецкий государственно-административный центр. Именно Прусское государство стало двигателем объединения страны во второй половине XIX в. – именно прусские короли стали императорами возрожденного рейха. Многовековой натиск на восток был важнейшим элементом германской национальной идеи. Культурное столкновение со славянскими и финно-угорскими народами в Средние века оформилось в цивилизаторские амбиции идеологов позднейших времен: отразилось в культуртрегерстве немецких просветителей, миссионерских образах священнослужителей и нацистской мании превосходства. Клубок исторических реалий XIII в. стал базой для самых разнохарактерных политических течений нашего времени. Удачи и поражения прибалтийского противостояния XIII в. нередко выливались в позднейший реваншизм.

Именно в лесах Прибалтики немцы осознали себя нацией. Не меньшее значение этот регион играл в русской истории. Святой воитель – защитник земли и веры – Александр Невский сложился как личность и политик в ходе боев в Прибалтике. Примечательно, что как в германской, так и в русской истории было немало примеров возрождения образов противостояния XIII в. Иван Грозный в 1558 г. начал войну в Ливонии под предлогом возвращения «юрьевской дани», утраченной после захвата крестоносцами Юрьева (Тарту) в 1224 г. «Тевтонский воин» зачастую являлся пропагандистским аватаром солдат вермахта в Великой Отечественной войне, а разгром немцев в Ледовом побоище стал важным стимулом для советских солдат, противостоявших реанимированному «натиску на Восток» 1941–1942 гг.

Еще больше, чем для русских и немцев, события XIII в. имеют значение для прибалтийских народов, оказавшихся тогда в котле большой континентальной политики и невольно вызвавших острый цивилизационный конфликт, оформивший раскол Европы на восточную и западную, – конфессиональный, политический и культурный разлом. Отсылки к тем временам регулярно возникают в обиходной речи жителей Прибалтики, а еще чаще в среде ее политиков. Не раз приходится слышать ироничное: «Советская оккупация примирила нас с немцами». Семь веков эстонцы и латыши считали германцев своими поработителями, а когда эта обуза пала, сработал «хельсинкский синдром» и превратил угнетателей в благодетелей. Действия советской власти усугубили этот альянс, вылившийся в современную колониационную идиллию.

Вскрывая проблемы прошлого, мы помогаем решению современных задач, чистим свое зрение и добавляем света сознанию. И дело не только в отношениях с балтийскими странами. Воспринимая сюжет русско-немецкой борьбы за Прибалтику как малозначимый, мы впадаем в ошибку «азиоцентризма», акцентирующего формирование российской нации под азиатским влиянием. Имеется также риск заметно выхолостить существо культурного размежевания, произошедшего в XIII в. Только внимательный обзор позволяет объемно реконструировать и вскрыть масштабный культурный конфликт, волею судеб выбравший своим эпицентром побережье холодной Балтики.

* * *

Отношение к русским участникам столкновений в Прибалтике определяется как соперничество. Архаичному русскому данничеству противостоит технологичный европейский колониализм, редким кампаниям новгородцев – планомерное завоевание, терпимости к верованиям местных племен – тотальное крещение.

При этом современный российский школьник неизбежно вспомнит штамп, который поставили отечественные исследователи на указанные события: «крестоносная агрессия против прибалтийских народов и Руси». В самое тяжелое для Руси время – период вскоре после монгольского нашествия – ливонские немцы совершили серию попыток по отторжению рус-

ских земель на западных границах. И это не только области води и ижоры, которые к русским пока относились условно, но и Псков, и новгородские земли. Только меч Святого князя Александра остановил «коварных интервентов», способных растоптать веру предков и заменить ее «бездушной латиной». Святой князь Довмонт-Тимофей бьется на западных рубежах и возрождает самобытное Псковское княжение – область, более чем часто подвергавшуюся иноземным вторжениям. Такие образы, как Невская битва и Ледовое побоище, затмевают в историографии все остальные события на западных рубежах, не всегда менее значимые и не всегда этого заслужившие.

Яркие символы и сакральные мотивы превращают исследователей в своих пособников. События XX в. особенно заострили ситуацию. К чести западногерманских ученых стоит признать, что именно они первыми переступили узкоидеологические и традиционные представления о теме. Российская же историография только начинает сбрасывать оковы. Однако позиции сторон в некий объективный континуум пока не представляется возможным. Во-первых, сами события часто имеют две, а то и три стороны обзора. А во-вторых, не лишен пристрастий сам автор, в нашем случае намеренный транслировать взгляд из России – взгляд, у которого есть свой, неизбежный даже по чисто географическим признакам угол зрения.

* * *

В отличие от многих иных периодов в истории Древней Руси, события русско-немецкого противостояния в Прибалтике XIII в. удивительно хорошо отражены в источниках. Ни одна другая тема не позволяет столь часто осматривать произошедшее сразу с нескольких позиций. От XIII в. в Западной Европе сохранился великолепный актовый материал, папские послания и воззвания к северным крестоносцам, обильно представлена даже переписка участников. Имеется ряд хроник, таких как Хроника Ливонии Генриха Латвийского (мы используем принятое в российской историографии именование этого автора) и Старшая Ливонская рифмованная хроника неизвестного орденового брата-крестоносца. Русские летописи много говорят о произошедшем. Особенно ценные сведения предоставляет новгородская летопись, а также ряд внелетописных памятников, отразивших обстоятельства войн в Ливонии и Эстонии, – это Житие Александра Невского и «Повесть о Довмонте».

Обилие материала позволяет наглядно представить, сколь различными были взгляды уже у современников. Расхождение точек зрения обнаруживается начиная с XIII в. Так, такое культовое событие российской истории, как Невская битва 1240 г., вообще не упоминается в зарубежных источниках. Ледовое побоище, хотя отмечено как значительное, заметно уступает по объему внимания, например, битве крестоносцев с литовцами при Сауле 1236 г. или при Карузене 1270 г. Значение этих боев для Ливонии действительно сопоставимо. После Саула вообще был поставлен вопрос о существовании немецкой колонии, а главная ударная сила Ливонии – Орден меченосцев – просто перестал существовать: все погибли. В большинстве случаев взгляд с Запада можно понять. Для немцев в Ливонии Ледовое побоище судьбоносным не было. С другой стороны, осада Юрьева в 1224 г. подвела черту под русским господством в Эстонии – зависимая прежде от Новгорода область была утрачена. Но этому в русской летописи уделена лишь одна строчка, а в Хрониках Ливонии – пространная повесть. Взгляд современника не всегда устремлен в том направлении, которое мы сейчас считаем значимым.

Летописный сборник, именуемый Летописью Авраамки, в начальной части которого представлен краткий летописец, составленный в конце 60-х гг. XV в. новгородцем, который озаглавил статью 6748 (1240) г. с описанием Невской битвы и противостояний с крестоносцами князя Александра Невского:

«А се побытье Раковорьское» [ЛА. С. 51].

Именно Раковорскую битву 1268 г. новгородцы в XV в. считали кульминационным сражением за Прибалтику, за власть в регионе, за родовую честь и славу. И Невская битва, и Ледовое побоище считались предвестниками Раковора – главного боя эпохи покорения в Северной Европе XIII в., да и позднейших веков. Примечательным выглядит набор фактов, зафиксированных в пасхальных таблицах одного из рукописных сборников XIV в. [ГИМ. Син. 325]. От того времени сохранилось не так много письменных памятников – почти все летописи представлены позднейшими списками. И этот архаичный сборник описывает XIII столетие, которое лишь недавно закончилось, следующими происшествиями:

- 6723 г. – «Юрьева рать» – Липицкая битва, 1216 г.;
- 6738 г. – «Дороговь» – голод 1230 г.;
- 6745 г. – «Тотарско» – монгольское нашествие, 1237–1238 гг.;
- 6760 г. – «Неврюево» – Неврюева рать, 1252 г.;
- 6771 г. – «Олександръ князь прес[тавился]» – смерть Александра Невского, 1263 г.;
- 6772 г. – «Андреи Суздалс[кий]» – смерть великого князя Андрея Ярославича, 1264 г.;
- 6775 г. – «Дмитр немц[ы] взя» – Раковорский поход, 1268 г.

И еще рядом позднейших событий¹. Ни битва на Калке, ни войны за Киев, ни борьба за Галич, ни Невская битва, ни Ледовое побоище – ничего не упомянуто в этой подборке. Таков взгляд ближайшего потомка. И такие необычные выкладки можно встретить в источниках не раз. Так, в Волынской краткой летописи из Супрасльского монастыря (начало XVI в.) для XIII в. отмечено шесть событий:

- 1204 г. – «Взяша латыня Царьград», захват крестоносцами Константинополя;
- 1224 г. – битва на Калке;
- 1230 г. – голод в Смоленске;
- 1237 г. – Батыево нашествие;
- 1240 г. – «Взятие Киевское от царя Батыя. [Т]ого же лета побоище Ледове», то есть захват монголами Киева (1240) и Ледовое побоище (1242);
- 1268 г. – «Раковское побоище» [БЛ. С. 120].

Такая разметка позволяет охарактеризовать взгляд людей Средневековья на свою историю. На расстоянии, конечно, видно лучше, но и эта позиция преподносит неожиданности.

Особенно показательными можно признать наблюдения над трактовкой исследователями значения для современников и потомков Ледового побоища. Традиционный, закрепившийся в советской послевоенной историографии взгляд на события 1242 г. составляет признание их сверхрешающего значения. В. Т. Пашуто писал про Ледовое побоище:

«Этой крупнейшей битвой раннего европейского средневековья впервые в истории был положен предел грабительскому продвижению на восток, которое немецкие правители непрерывно осуществляли в течение нескольких столетий» [Пашуто 1956. С. 190].

Ледовое побоище выступает сыгравшим «решающую роль в борьбе литовского народа за независимость». Считалось и считается, что западные крестоносцы, «памятуя о разгроме на льду Чудского озера», впоследствии «редко решались на новые военные акции против русских земель» [Кучкин 1999. С. 137]. Академик М. Н. Тихомиров называл 5 апреля 1242 г. «величайшей датой», а Ледовое побоище – «знаменательной битвой», сопоставимой лишь с Грюнвальдским сражением 1410 г. [Тихомиров 1975. С. 336–337]. Однако в ходе Грюнвальдского сражения было полностью уничтожено чуть ли не всё войско Тевтонского ордена, включая магистра, а в Ледовом побоище погибло только 20 рыцарей.

Зарубежные исследователи пытались противопоставить этому пропагандистскому задору холод скептицизма, который порой так же переходил за грани научной компетенции. Дж. Феннел считал, что Невская битва и Ледовое побоище – это «относительно мелкие победы» [Фен-

¹ Гимон 2000. С. 578–579.

нел 1989. С. 142]. С этим продолжают соглашаться многие исследователи, желающие подчеркнуть «прогрессивность» своих взглядов.

Далее для трезвой оценки произошедшего мы постараемся размещать свои взгляды в нескольких хронологических и географических точках. Даже для Руси Ледовое побоище не может считаться «относительно мелким». Превосходящими по количеству участников выступают только бои с монголами. Но здесь ли расположен смысловой ориентир для событий прибалтийской колонизации? Не секрет, что после Ледового побоища (1242 г.) уже в 1253 г. немцы опять пытались захватить Псков, а после Невской битвы (1240 г.) шведы уже в 1256 г. высадились на Нарве. Что же произошло? Десятилетний перерыв в войне? Или перелом мировой истории?

Вовсе не 1242 г. исследователи чаще всего ограничивают период активной борьбы и окончательного формирования границ в Прибалтике. И Пашуто, и Тихомиров доводили свои исследования до 1270 г., завершая рассказ описанием последствий Раковорской битвы (1268 г.). Тот же хронологический репер можно встретить у других современных исследователей (В. И. Матузова, Е. Л. Назарова, др.). Некоторые однозначно указывают на завершающее значение Раковорского похода [Кочкурина 1986. С. 110; Urban 2003. Р. 105].

Нет единства в среде зарубежных историков. Знаменитый французский медиевист Ж. Ле Гофф считал, что «экспансия немецких рыцарей на Восток была остановлена новгородским князем Александром Невским, разбившим их в битве на Чудском (или Пейпус) озере в 1242 году» [Ле Гофф 2001. С. 55]. Рубежное значение этого события выделяет «История Эстонии», изданная в 2002 г. [НЕ. Р. 62]. Однако в «Очерках истории эстонского народа», изданных в 1992 г., ведущие эстонские историки даже не упомянули Ледового побоища [Лаар Валк Вахтре 1992. С. 34–35].

Та же ситуация проступает в отношении Раковорской битвы. Одни считают ее важнейшим русско-ливонским боестолкновением XIII в. [Pagel Kirss 2008. S. 18], а другие забывают указать [Christiansen, 1997. Р. 113].

Причины описанного лежат именно в различии взглядов на одни и те же события, что можно отметить уже у средневековых авторов. Выработка единой концепции истории Прибалтики XIII в., вероятно, дело далекого будущего. Но у нас есть возможность сделать шаг в этом направлении. Шаг тем более заметный, что предшественников у него немного.

Собственно обобщающих трудов по истории Ливонии – Латвии, Эстонии – за 150 лет исследований издано столько, что на пальцах можно сосчитать. А если сузить обзор и взять только издания на русском, то нет ничего более подробного, чем сочинение Е. В. Чешихина «История Ливонии», которое увидело свет более 140 лет назад. Группа краеведов-подвижников, живших в остзейских губерниях в XIX в. (К. Э. Напьерский, Ф. Г. Бунге, Э. Пабст, И. Паукер и др.), подарила нам чуть ли не лучшие сочинения по балтийской истории XIII в. Позднее отечественные исследователи мало чем обогатили этот задел. В первые десятилетия XX в. эта тема фактически оказалась на периферии научных интересов отечественных специалистов. Всплеск внимания фиксируется лишь на рубеже 1930–1940-х гг. Однако это выразилось в развитии почти исключительно научно-популярного жанра, призванного в агитационных целях вынести на суд публики сочинения со следующими названиями:

- Ивашин И. Немецкая колонизация Прибалтики и планы восточного реванша Гитлера (Исторический журнал. 1937. № 8. С. 73–84);
- Строков А. А. Разгром немецких «псов-рыцарей» на льду Чудского озера в 1242 году (НИС. 1938. Вып. III–IV. С. 3–23);
- Богусевич В. А. Уничтожение Александром Невским немецко-рыцарского войска в Копорье (НИС. 1938. Вып. III–IV. С. 24–38);
- Берхин И. Борьба русского народа против немецких и шведских интервентов в XIII веке (Молодой большевик. 1939. № 8. С. 38–45);

– Бахрушин С. В. Александр Невский и борьба русского народа с германской агрессией в XIII веке (Вестник АН СССР. 1942. № 4. С. 58–71);

– Грацианский Н. П. Борьба славян и народов Прибалтики с немецкой агрессией в средние века (М., 1943).

Причины и цель появления таких работ в тяжелое для страны время понятны, но с прискорбием следует признать, что за рамками этого периода успехи историков оставались весьма скромными. Фактически теме участия Руси в борьбе за сферы влияния в Прибалтике посвящены только две большие работы, ангажированность которых выступает уже в названии:

1. *Тихомиров М. Н.* Борьба русского народа с немецкими интервентами в XII–XV вв. – первое издание: М., 1941; последнее издание: М., 1975 (в рамках сборника работ академика *Тихомирова М. Н.* «Древняя Русь» – М., 1975. С. 303–367).

2. *Паушто В. Т.* Героическая борьба русского народа за независимость (XIII век). М., 1956.

Видные специалисты вынуждены были пропитывать свои исследования пафосными красками национальной героики. Не обошла эта участь и другие работы, посвященные рассмотрению отдельных вопросов из темы. Так, светлым пятном и редким исключением можно назвать труды Игоря Павловича Шаскольского (1918–1995), посвященные противостоянию Руси и Швеции в Финляндии, а также на Неве. Выдающимся по качеству и охвату следует признать комплекс статей Евгении Львовны Назаровой, посвятившей отдельные работы чуть ли не всем аспектам русско-ливонских отношений XIII в. Отчаянно жаль, что ученая так и не собрала до сих пор свои статьи под одну обложку, под которой должен был сложиться труд, существенно снизивший бы сарказм в отношении отечественных монографических обзоров.

Я не ставлю перед собой цели воссоздать на новой основе труд Чешихина. Во-первых, хронологический охват существенно уже (Чешихин описал все до Ливонской войны XVI в.) – здесь представлены события только до 1270 г., как период наиболее интенсивных и знаковых противостояний в Восточной Прибалтике. Во-вторых, принят существенно более узкий тематический пласт – интересует не история Ливонии во всем объеме, но только участие Руси. В-третьих, географически мы направляем взор на области преимущественно Восточной Прибалтики, включая те, что севернее Даугавы – приоритетная зона русско-ливонских конфликтов – и побережья Финского залива в целом (это территории современной Северной Латвии, Эстонии, Ленинградской области и Южной Финляндии). История Курляндии, Земгалии, Литвы и Пруссии будет нас интересовать только в качестве фона.

Основной посыл, с которым я бы хотел встретить читателя, – это стремление не только увести внимание от идеологических и политических тем, но не обрушить его в пропасть политкорректности. Гордиться своей историей мы хотим не только при розово-поэтическом или умильно-героическом её освещении, но и во всем объеме, во всех неприглядностях и благородстве, во всей грубости и блеске: гордиться не тем, что тогда все было красиво, честно и хорошо, а тем, что там было всё.

* * *

Пользуясь случаем, хочу выразить безмерную благодарность и признательность профессору Тартуского университета Анти Селарту, видному историку и специалисту своего дела, который помогал мне советом, делом, материалами, комментариями и неизменно ценными замечаниями. Также выражаю глубокую признательность всем тем, кто содействовал мне в работе и уделял свое время моим заботам: Е. Л. Назаровой, Т. Тамла, Л. Д. Бондарь, А. А. Солодову, Н. В. Новоселову, А. А. Селину.

Глава 1. Восточная Прибалтика в XII – первой половине XIII в.

§ 1.1. Русские княжества и Прибалтика в раннем Средневековье

Обособленное существование Восточной Прибалтики уже в раннее Средневековье выглядело некоторой аномалией. Выгодное географическое положение на международных торговых путях, а также близость более развитых межэтнических объединений и нарождающихся государств должно было в достаточно короткие сроки привести народы этого региона к той или иной форме зависимости от соседей. Впрочем, такое заключение справедливо лишь отчасти. Многочисленные покорители прибалтийских земель неизменно сталкивались здесь как с ожесточенным сопротивлением местных жителей, так и с многими другими трудностями, вынудившими растянуть историю завоевания на несколько столетий.

Вплоть до конца XII в. безальтернативными претендентами на контроль в этих землях считались русские княжества. Прежде всего, Полоцкое и Новгородское, к которому можно пока присоединить и Псков. Они были заинтересованы в обеспечении беспрепятственного торгового сообщения по основным прибалтийским речным магистралям Даугаве (лтш. *Daugava*, нем. *Düna*, рус. Западная Двина, эст. Вэйна, *Väina*) и Неве, а также вдоль побережья Северной Эстонии, острова Эзель (нем. *Ösel*, эст. Сааремаа, *Saaremaa*) и Курляндии (нем. *Kurland*, лтш. *Kurzeme*). Поддерживать свою власть в других областях было не только более сложно, но менее выгодно. Количество местного населения никогда не составляло значительного числа: вероятно, до 500 тыс. в XIII в.² Ю. Какк и Э. Тарвел определяли численность прибалтийских племен на начало XIII в. следующим образом: литва – около 170–190 тыс. чел.; латгалы, курши, земгалы, селы – около 140–160 тыс. чел.; ливы – около 15–28 тыс. чел.; эстонцы – 110–120 тыс. чел.³ Богатство жителей в основном заключалось в скудных земельных угодьях, многочисленном лесном звере и развитом собирательстве⁴. Природные условия (обилие лесов и

² Арбузов 1912. С. 2.

³ Kahk Tarvel 1997. P. 12–13.

⁴ Определяющим в хозяйстве прибалтийских племен было земледелие. См.: Моора 1964. С. 5–6; Моора Лиги 1969. С.

болот) создавали дополнительные трудности как для покорения этих земель, так и для обеспечения регулярного сбора дани. Однако уже в X в. новгородцы совершали поборы с ижоры и води (финно-угорских, «чудских» племен), в землях которых вдоль реки Луги княгиня Ольга, согласно летописи под 947 г., начала ставить «погосты и дани» [ЛЛ. С. 60]. Позднее русское наступление только развивалось. В начале следующего века (ок. 1030 г.) Ярослав Мудрый (в крещении – Георгий, Юрий) поставил крепость в непосредственном центре расселения чуди (эстов) и назвал ее в свою честь Юрьевым (нем. Дерпт, *Dorpat*, эст. Тарту, *Tartu*)⁵. А его сын Изяслав в 1060 г. расширил новгородское влияние на эстонское племя сосолов [НПЛ. С. 183], вероятно, занимавших земли на юге Эстонии (область Сакала)⁶. К концу XI в. новгородцы фактически контролировали большую часть Северо-Восточной Прибалтики и Карелии, собирали здесь дань и строили погосты.

Следует добавить, что этнический состав жителей средневекового Новгорода вовсе не был исключительно или даже по преимуществу славянским. Уже в летописной легенде о призвании Рюрика участниками событий обозначены сразу четыре племени: словены, кривичи, меря и чудь. Причем славянских из них только два (словены и кривичи), а другие – финно-угорские. В целом они поименованы «новгородстии людие»:

«ти [варяги] насилье деяху Словеномъ, Кривичемъ и Мерямъ и Чюди. И въсташа Словене и Кривици и Меря и Чюдъ на Варягы, и изгнаша я за море; и начаша владети сами себе и города ставити» [НПЛ. С. 106].

Позднее этот этнический конгломерат сформировал новую и вполне обособленную в рамках Русской земли общность – новгородцев, которые как в культурном, так и в языковом отношении заметно выделялись среди жителей других областей Руси. Это сообщество уже в самый ранний период стремилось расширить зависимую территорию в северном и северо-западном направлении. Причем ближайшие к Новгороду области впоследствии не только вошли в его состав как равноправные части, но порой стали выступать в качестве важнейшей внугриполитической силы⁷.

Южнее новгородских владений, вдоль русла Даугавы, в то же время распространяло свою власть Полоцкое княжество, установившее данническую зависимость для племен ливов («либь»; побережье Рижского залива), латгалов («летьгола»; севернее среднего течения Даугавы), селов («селонов»; южнее среднего течения Даугавы) и земгалов («семигалов»; на запад от нижнего течения Даугавы). Западнее зоны расселения земгалов Полоцк, видимо, не имел возможности регулярно взимать дань. Эти области были заселены воинственными племенами куршей («корсь», «куры»), вплоть до немецкого вторжения остававшимися фактически независимыми от соседей.

Природные условия в Курляндии даже больше, чем в Эстонии, способствовали обособленному положению местных жителей. Побережье почти не имеет удобных естественных гаваней.

6–22; Вахтре Лаур 1990. С. 13–15; Лаур Валк Вахтре 1992. С. 14; Kahk Tarvel 1997. Р. 12; НЕ. Р. 28–29. Еще Х. А. Моора подчеркивал узкоаграрный характер экономики Прибалтики, контрастирующий с формой хозяйствования русских, у которых большое значение имела рыбная ловля, огородничество и ремесло (Моора 1964. С. 6).

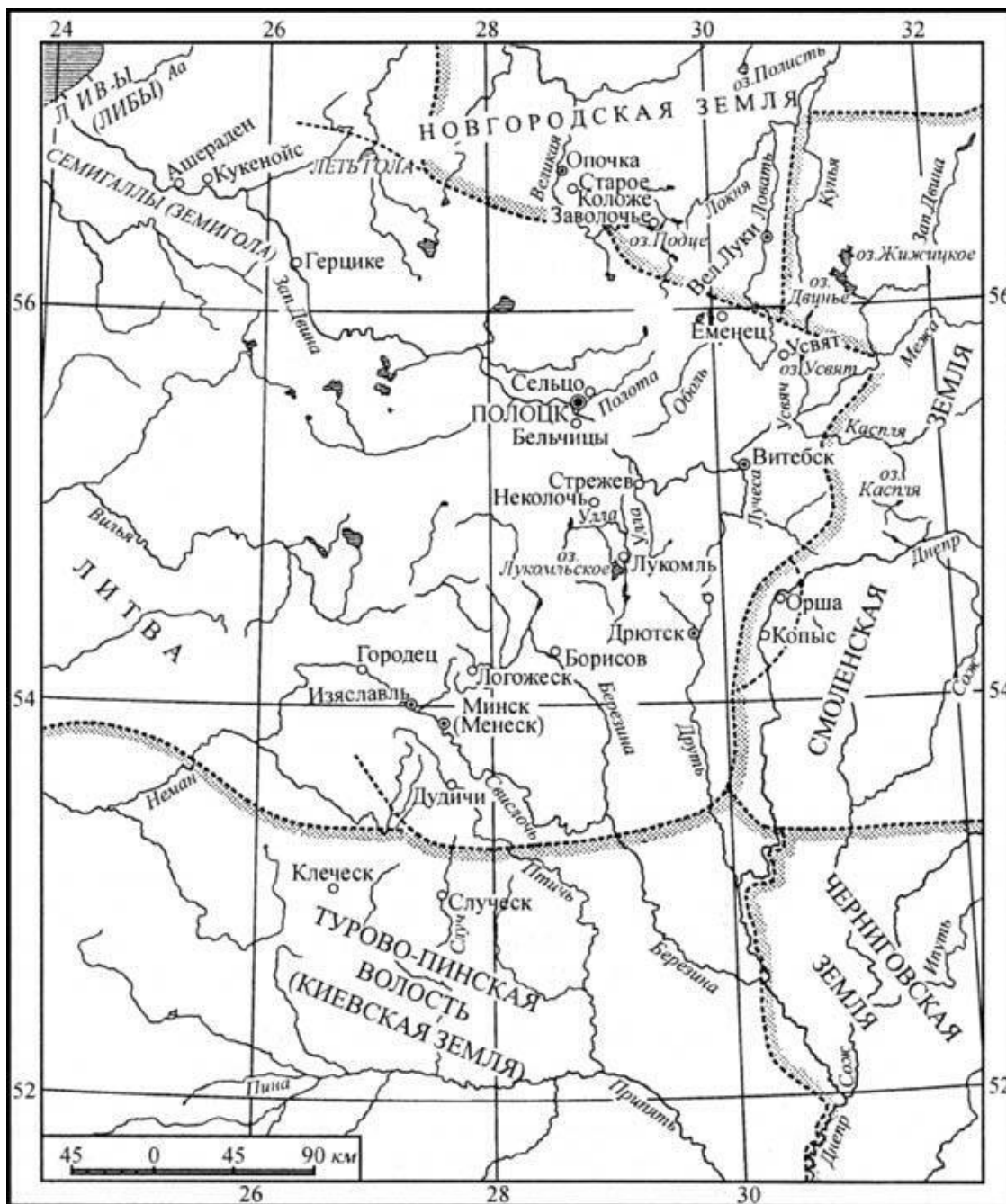
⁵ См.: Tvauri 2001. С. 340–348. Русские летописи (начиная с XI в.) знали город Юрьев, который располагался на холме (современный Домберг), напоминающем очертаниями (если смотреть с северной стороны) бизона или тура (эст. *tarvas/tarbas*). Возможно, от этого и происходит название города, впервые использованное Генрихом Латвийским в Ливонской хронике (конец 20-х гг. XIII в.) в форме *castrum Tharbaton*. Эстонцы со временем сократили «Тарбату» до «Тарту», но на этимологию продолжает указывать герб города, на котором бычья голова. См.: Tvauri 2001. С. 355; Салупере 2005. С. 9. С 1224 по 1893 г. официальным названием города было немецкое Дерпт, затем вплоть до 1917 г. вернулось Юрьев, а уже потом Тарту. Некоторые исследователи считают, что городское право на основе Магдебургского Тарту получил уже в 1248 г. (Трумал 1998. С. 291).

⁶ Сакала (*Sakale, Sakela, Sak(k)ele*; нем. *Sakkele, Sakkelland*) – область в Южной Эстонии. Также существуют и другие версии отождествления сосолов. Их сопоставляют с жителями острова Сааремаа, с племенами Северо-Западной Эстонии и с населением в районе Чудского озера. См.: Лиги 1968. С. 15, прим. 2; Тыниссон 1997. С. 20; Назарова 2001. С. 284–288; Tvauri 2001. С. 351–352.

⁷ Ср.: Кирпичников 1988. С. 45–46; Лаур Валк Вахтре 1992. С. 18.

ней. Речная сеть не создает условий для организации волоков и сквозного водного сообщения через внутренние области. Руслу основных рек Венты (с притоком Абава) и Лиелупе (Курляндская Аа) разделены лесистой и труднопроходимой Курземской возвышенностью. Покорение этих областей стало одной из самых кровавых страниц истории немецких завоеваний в Прибалтике.

Севернее Даугавы Видземская возвышенность отделяет ее от полноводной речки Гауя (Койва, *Coiva*, или Лифляндская Аа), в нижнем течении которой, как и на Даугаве, расселялись племена ливов (область Торейда, *Thoreyda*, совр. лат. Турайда, *Turaida*)⁸. На востоке ливы соседствовали с латгалами, занимавшими все области современной Северной Латвии.

Полоцкое княжество в XII в.

⁸ Мугуревич Тыниссон Зариня 1990. С. 132–133.

В отличие от Курляндии, балтийское побережье Эстонии очень изрезано и представляет мореплавателям широкий выбор бухт для укрытия, зимовки, погрузки-разгрузки и торговли. Уже в IX в. эти места активно посещали скандинавские торговцы и пираты. А начиная с XI в. – миссионеры. Однако они редко углублялись далеко от моря. Во внутренних областях Эстонии претензии на господство были монополизированы новгородцами. Основной магистралью служила река Эмайыги (нем. Эмбах, *Embach*), которая впадает в Чудское озеро, а в своих верховьях у озера Выртсъярв (эст. *Võrtsjärv*, нем. *Wirzjärv*, Вирцярв) почти смыкается с притоками реки Пярну, уводящей к Балтийскому морю. Еще Генрих Латвийский уважительно называл Эмайыгу – *Mater aquarum* (*Матерь вод*) [ГЛ. XV, 7]⁹. Крупнейшие поселения внутренней Эстонии и, соответственно, важнейшие пункты контроля колонизаторов расположились вдоль этой водной артерии: в среднем течении Эмайыги – Юрьев (Дерпт, Тарту), чуть южнее в верховьях одного из притоков – Оденпе (Отепя, Медвежья Голова)¹⁰, на озере Выртсъярв – Вильянди (Вилиенди, Вельяд, Феллин)¹¹, а в устье Пярну – Пернов (Старый Пярну). Реку Пярну в древности не отделяли от Эмайыги: в Хронике Ливонии она тоже обозначается как Эмбах (Эмайыги). Уровень воды в реках тогда был выше, и они использовались как судоходные (еще в XVI в.), пересекая всю Центральную Эстонию с востока на запад. Новгородцы не встречали здесь иного противника, кроме местного населения, с которым часто вступали в соглашения на условии уплаты дани или иных услуг. Так, летопись сообщает, что уже вскоре после смерти могущественного князя Ярослава местные эстонские племена восстали (ок. 1061 г.), разрушили укрепления Юрьева и напали на Псков [СЛ. С. 183–184]. После этого более чем на полвека контроль там русскими князьями был частично утрачен. Только Мстислав Владимирович в начале XII в. восстановил его в полном объеме. Летописи известен крупный поход новгородцев в 1116 г., когда был захвачен важнейший опорный пункт юга Эстонии Оденпе (Медвежья Голова) [НПЛ. С. 20, 204]. Позднее также фиксируются случаи возмущения местного населения. В частности, в 1177 г. эстонцы опять нападали на Псков. Однако в целом поддерживать свою политическую монополию в Восточной Прибалтике (Финляндия, Карелия, побережье Финского залива, Эстония и Северная Латвия) Новгороду удавалась на протяжении всего XII в. Ситуация обострилась только в начале XIII в., что было вызвано появлением новых «игроков», претендующих на власть. В Финляндии и на побережье Финского залива это были шведы и датчане, а в Эстонии по преимуществу немцы, то есть рыцари-крестоносцы и вассалы рижского епископа, обосновавшегося на землях, когда-то подконтрольных Полоцку. Автор Старшей Ливонской рифмованной хроники, составленной неким орденским служащим в начале 90-х гг. XIII в. и воспевавшей достижения рыцарей-крестоносцев в Прибалтике, писал о событиях 1209 г.:

«Он [*магистр Ордена меченосцев*] поддержал бедную страну
Своим большим благочестием.
Русские сочли это вероломством,

⁹ Название реки по-эстонски *Emajõgi* (*Emajõga*: мать-ручей), а на латышском – *Mathra uppe*. У Генриха использован свободный перевод местного *Emavesi*, т. е. вода-мать (*Mutterwasser*). См.: ГЛ. С. 527 прим. 173. В русских летописях название реки звучало как Омовжа, Амовыжа, Омовыжа (ЛЛ. С. 513; НПЛ. С. 73, 283). В историческое время река меняла направление своего течения. О водном пути через Эстонию см.: Загоскин 1910. С. 121.

¹⁰ Оденпе, Оденпэ, Одемпе (*Odenpe, Odenpä, Odempe*), эст. Отепя (*Otepä, Otterpä*), рус. Медвежья Голова (калька с эстонского *Oterpä*, где *otta* – медведь, а *pä* – голова) – важнейшее укрепленное поселение эстонской области Уганди. Позднее – орденский замок. См.: МН 2002. С. 161 прим. 3.

¹¹ Вилиенде (*Viliende*), эст. Вильянди (*Viljandi*), рус. Вельяд – важнейшее укрепленное поселение эстонской области Сакала, существовавшее уже во второй половине I тыс., а к XII в. превратившееся в протогородской центр. На его месте в 1223 г. немцы начали строить замок, получивший название Феллин (*Velin, Velyn*; эст. *Willandi lin, Viljandi lin, Willändi lin*), ставший центром их господства в Южной и Центральной Эстонии. См.: ИЭ 1961. С. 92; Йоост 1975. С. 3–5, 76–80; МН 2002. С. 176 прим. 12.

Ибо земли селонов, ливов и леттов [*Sehlen, Lîven, Letten lant*] Были в руках русских

До того, как пришли братья [*рыцари-меченосцы*] И власть у них отобрали.

Он прогнал их [*русских*] назад в их страну.

С тех пор они не могли его победить»

[LR. V. 642–650; МН 2002. С. 193]¹².

Невооруженному взгляду была хорошо заметна та культурная и административная пассивность, которую проявляли русские в Прибалтике. И Новгород, и Полоцк редко шли далее сбора дани. Внутренняя жизнь, административное устройство, религиозные верования и быт местных жителей оставались вне сферы их интересов, а тем более контроля. Даже постоянных военных баз или крупных укрепленных пунктов новгородцы здесь не имели вплоть до начала немецкой экспансии. Архаичный патронаж, осуществляемый русскими княжествами в Прибалтике, не производил впечатления прочного владения, то есть европейцу могло показаться, что племена управляются сами, а новгородцы и полочане просто иногда совершают на них набеги. В общих чертах так и было. Однако на своем праве сбора дани, например, в Финляндии, новгородцы уже в XII в. настаивали и демонстрировали это шведам. Так, Шаскольский считал, что известный поход карел в Уппланд в 1187 г., в ходе которого была сожжена шведская столица Сигтуна, был если не спровоцирован, то поддержан новгородцами [Шаскольский 1978. С. 72–105]. Последние неизменно подчеркивали свой статус сюзерена Восточной Прибалтики. В Скандинавских странах это, разумеется, учитывали.

Иначе обстояла ситуация в прибалтийских владениях Полоцка. Длительное время у русских здесь не существовало конкурентов даже на побережье. Рижский залив не имеет такого количества естественных гаваней, как Финский. Кроме того, он находился в стороне от главной морской магистрали, связывающей устье Невы с Европой и Скандинавией. Плавание по нему было сопряжено с угрозой грабежа, которым издавна промышляли курши и жители острова Сааремаа. Большая часть пути, связывающего Балтику с Днепром (по Даугаве), проходила вблизи побережья, населенного племенами, находящимися на более низкой стадии развития как культурного, так и социального. Вероятно, этот маршрут считался менее безопасным и выгодным, чем проходящий через Волхов и озеро Ильмень. Интенсивность движения по нему была ниже. С другой стороны, близкие межэтнические и межкультурные контакты именно здесь привели к ускорению разложения родоплеменного строя у народностей, населявших берега Даугавы. Именно здесь возникли первые раннегосударственные образования племен балтийской группы.

Полоцк был заинтересован в обеспечении безопасности плавания по Даугаве, а также в упрощении системы взимания дани с местных народностей (ливы, латгалы, селы, земгалы), которые во второй половине XII в. все находились в зависимости от него. Естественно, что местные территориальные объединения неизменно поддерживались полоцкими князьями, оказывавшими всяческое содействие прибалтийской социальной верхушке. В данном случае культурные и политические контакты шли рука об руку. Неизбежным поэтому было то, что первые местные раннегосударственные образования оказались в вассальной зависимости от Полоцка и в зоне распространения русской, то есть восточнохристианской, культуры. Известны два таких центра, столицами которых были укрепленные поселения Куkenойс (*Kukenoys*, латыш. Кокнесе, *Koknesē*, нем. Кокенгузен, *Kokenhusen*) и Герцике (*Gercike*, латыш. Ерсика, *Jersika*). Зафиксированные как по письменным источникам, так и по археологическому материалу, эти княжества различались как по этническому составу жителей, так и по социально-экономическому развитию.

¹² Здесь и далее, если иное не оговорено, в цитатах в квадратных скобках курсивом пояснения Д. Х.

Крупнейшим было Герцике, которое располагалось в среднем течении Даугавы в 180 км ниже Полоцка¹³. Замок занимал на правом берегу реки овальной формы площадку (70×100 м), возвышающуюся на 14 м от уровня воды. Севернее него находился обширный посад. Раскопки показали, что городище было основано примерно в X в. латгальскими племенами, составлявшими и позднее его преимущественное население. Владениями Герцике были почти все латгальские земли (Аутине, Ерсика, Цесвайне и др.), кроме самых северных Талавы (*Talava*) и Адзеле (*Atzele*), которые составляли территориальные объединения, зависимые от Новгорода (и Пскова)¹⁴.

Этническая принадлежность княжеской династии Герцике остается предметом споров. Вполне возможно, что она имела родственные связи с полоцкими князьями, хотя о ее русских корнях уверенно говорить невозможно. Единственный известный местный князь носил славянское имя Всеволод (*Vissewalde*). Археологи обнаружили в Герцике остатки двух построек, которые отождествляют с церковными¹⁵. По сообщению Генриха Латвийского (под 1209 г.) можно понять, что в замке Герцике находилась православная церковь [ГЛ. XIII, 4]. Он же свидетельствует, что как князь, так и его ближайшее окружение (дружинники) были исключительно православными [ГЛ. XI, 8; XIII, 4; XVIII, 4]. Многочисленные находки свидетельствуют о давнем, начиная со второй половины XI в., знакомстве местного населения с греческим христианством. Однако очевидно, что к началу XIII в. глубоких корней в Латвии оно не пустило и оставляло большое поле для миссионерской деятельности¹⁶.

В целом следует говорить, что при наличии интенсивного русского культурного влияния в Герцике мы не располагаем археологическими данными, указывающими на присутствие в городе постоянного славянского населения. Иначе обстояло дело в Кукенойсе, где совершенно ясно прослеживается массовое присутствие русских. Археологами вскрыта даже жилая постройка с завалинкой у внешней стороны стены – характерная для Руси особенность, но нигде более не известная на территории Латвии. Обнаружены также остатки каменной постройки XII в., «гипотетически отождествляемой с православным сакральным строением», и рядом фрагмент колокола¹⁷.

Кукенойс также располагался на правом берегу Даугавы, но значительно ниже по течению, примерно в 100 км от устья. Городище занимало мыс при впадении небольшой речки Персе (ранее – Кокна)¹⁸. Его положение обуславливалось наличием удобной переправы через

¹³ Насонов 2002. С. 138. Существует две наиболее обоснованные версии происхождения названия Герцике. Первая предполагает, что речь идет о скандинавской транскрипции русского слова «Городище». Ср. сканд. *Gardr*, как город, и *gerskr*, как эпитет «гостя», «грека» (Кейсслер 1900. С. 4 прим. 7; ГЛ. С. 476). Кроме того, словом *Gerceke* в отчете 26 марта 1292 г. о деятельности ганзейского посольства в Новгороде 1291 г. (HUB, I. № 1093) обозначено то место, где жили иноземные послы и куда новгородцы ездили для переговоров (*curia regia*). Л. К. Гётц и С. А. Аннинский считали, что речь идет о Рюриковом Городище (Goetz 1916. S. 56; ГЛ. С. 477). Однако даже если так обозначался какой-нибудь двор, например, Готский, то искомая этимология остается в рамках предложенной гипотезы. Другая версия предполагает, что в основе слова лежит русское личное имя. Например, Ярчик (уменьшительная форма от «Яр»), Берсик (Бережки, Берестье), Герчицы и Ярчицы (деревни в Смоленской обл.). Древность корня «яр» позволяет чередовать его с «*ger*», что характерно для имени *Ярослав* – у того же Генриха он обозначен как *Gerceslaus* (ГЛ. XXII, 4). Подробнее о версиях см.: ГЛ. С. 476–478.

¹⁴ В немецких источниках Талава (лтш. *Tālava*) отмечалась как Толова (нем. *Tolowa*, *Tholowa*). Название происходит от лтш. «*tāls*» – дальний. Это наиболее отдаленная к северу область расселения латгальских племен. Адзеле (лтш. *Adzele*; нем. *Adsel*; рус. Очела) – латгальская область восточнее Талавы, на границе с Псковской землей. См.: Канале Степерманис 1971. С. 17; Auns 1982. С. 56; Кейсслер 1900. С. 39–55.

¹⁵ Археология 1987. С. 357–358.

¹⁶ См. об этом: Zeids 1951. 50 lpp.; Шноре 1961. С. 129; Мугуревич 1965. С. 70; Назарова 1987. С. 201–203. См. возражения: Сапунов 1898а. С. 100–109.

¹⁷ Об археологических раскопках в Кукенойсе см.: Стубавс 1962. С. 52; Стубавс 1964. С. 62–63; Мугуревич 1965. С. 30–34; Стубавс 1966. С. 28–29; Стубавс 1967. С. 115; Штыхов 1978. С. 59–61. О находках предметов православного культа на территории Латвии см.: Назарова 1987. С. 202–203.

¹⁸ Насонов 2002. С. 138. Традиционным считается перевод «Кокнесе» (*Koknesē*) как «Кокны-нос», т. е. мыс Кокны (Пашуто 1951. С. 38; ГЛ. С. 487 прим. 48 (С. А. Аннинский); Казакова Шаскольский 1945. С. 12). Однако прямых доказательств того, что ранее река Персе именовалась Кокна, нет. Это заставляло некоторых исследователей искать другие объяснения.

Даугаву, обеспечивающей сухопутное сообщение между областями латгалов и селов. Три этнические группы (латгалы, селы, русские) образовывали основное население Куkenойса. Археологические раскопки А. Я. Стубавса в 1961–1966 гг. обнаружили, что уже в X в. здесь существовало укрепленное поселение с плотной внутренней застройкой [Стубавс 1966. С. 28–29]. О значительном росте поселения в исторический период говорить не приходится. Княжение в Куkenойсе всегда оставалось небольшим, включающим лишь ближайшую округу. В политическом отношении оно, вероятно, примыкало к Герцике и составляло особый замковый округ. Речь идет о поселении, преимущественной функцией которого было обеспечение безопасности торговых путей, пересекающихся в этом месте. Не удивительно поэтому, что в числе жителей присутствовали и русские, представленные здесь, в отличие от Герцике, в основном княжескими дружинниками. Об этом свидетельствуют не только археологические материалы, но и записи очевидцев, таких как Генрих Латвийский, называвший Куkenойс (*Kukenoys*) «русским замком» (*castro Ruthenico*), а Герцике (*Gercike*), в отличие от него, обычно просто «городом» (*civitatem*) [ГЛ, X, 3; XI, 8; XIII, 4; XVIII, 4].

Единственный известный по письменным источникам князь (*rex*) Куkenойса носил славянское имя Вячко (*Vetseke*, Вячеслав) и правил здесь в начале XIII в. Впервые его упоминает Генрих Латвийский под 1205 г. [ГЛ. IX, 10]. Существуют предположения, основанные на уникальных сведениях В. Н. Татищева, согласно которым Вячко возводил свою родословную к полоцким Рюриковичам¹⁹. Однако ход событий демонстрирует нам его только в качестве военачальника и вассала князя Владимира Полоцкого, после смерти которого Вячко оказался на службе в других землях. Куkenойс в 1208 г. был захвачен немцами, и Вячко вынуждены уступить часть замка вражескому гарнизону. Но в том же году он, не выдержав притеснений, вырезал всех немцев, сжег город и с остатками дружины отступил на Русь. Возможно, Вячко участвовал в приготовлении большого наступления на немцев, которое планировал в 1216 г. князь Владимир Полоцкий. Однако в том же году полоцкий князь внезапно умер, и поход не состоялся. Позднее Вячко возглавил оборону Юрьева (Дерпта, Тарту) и был убит при его штурме в 1224 г. Можно сделать предположение, что после 1216 г. Вячко уже не считал себя подданным Полоцка, но выступал в качестве самостоятельного военачальника, причем развивал свою деятельность в новгородской зоне Прибалтики (в Эстонии).

Нет никакого сомнения, что Полоцк принимал активное участие в создании и усилении первых прибалтийских территориальных объединений. Скорее всего, укрепления на месте старых латгальских поселков Герцике и Куkenойс возникли в середине XII в. при содействии русских властей. Однако само Полоцкое княжество переживало во второй половине XII – начале XIII в. кризис, вызванный как внутрикняжескими усобицами, так и внешним давлением усиливающейся Литвы. Полоцкие князья не располагали значительными материальными средствами для расширения своей власти, да и технологий других не знали. Их интересы ограничивались регулярным сбором дани и предоставлением военной помощи в случае необходимости. Русские правители часто демонстрировали плохое знание международной ситуации, допускали крупные стратегические ошибки и проявляли дипломатическую близорукость. Объяснения тому были, но их объем остается явно недостаточным для оправдания многочисленных примеров пассивности полоцких князей, приведшей их в короткие сроки в начале XIII в. к утрате своей зоны влияния в Прибалтике, а затем к потере большей части своих исконных земель.

Так, Кейсслер считал, что название города «латышского происхождения и обозначает лесистую местность» (Кейсслер 1900. С. 4 прим. 6). А П. А. Стародубец предпочитал производить «Кокнесе» от латышского же слова «Кокнезис» – «несущий деревья» (Стародубец 1955. С. 200)

¹⁹ Татищев 1995. С. 201, 203, 213; Лыжин 1858; Сапунов 1898. С. 8–10; Стародубец 1955. С. 205. Подробнее о Вячко см.: Taube 1935. S. 418–433; Taube 1938. S. 33–34; ГЛ. С. 489–490

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.